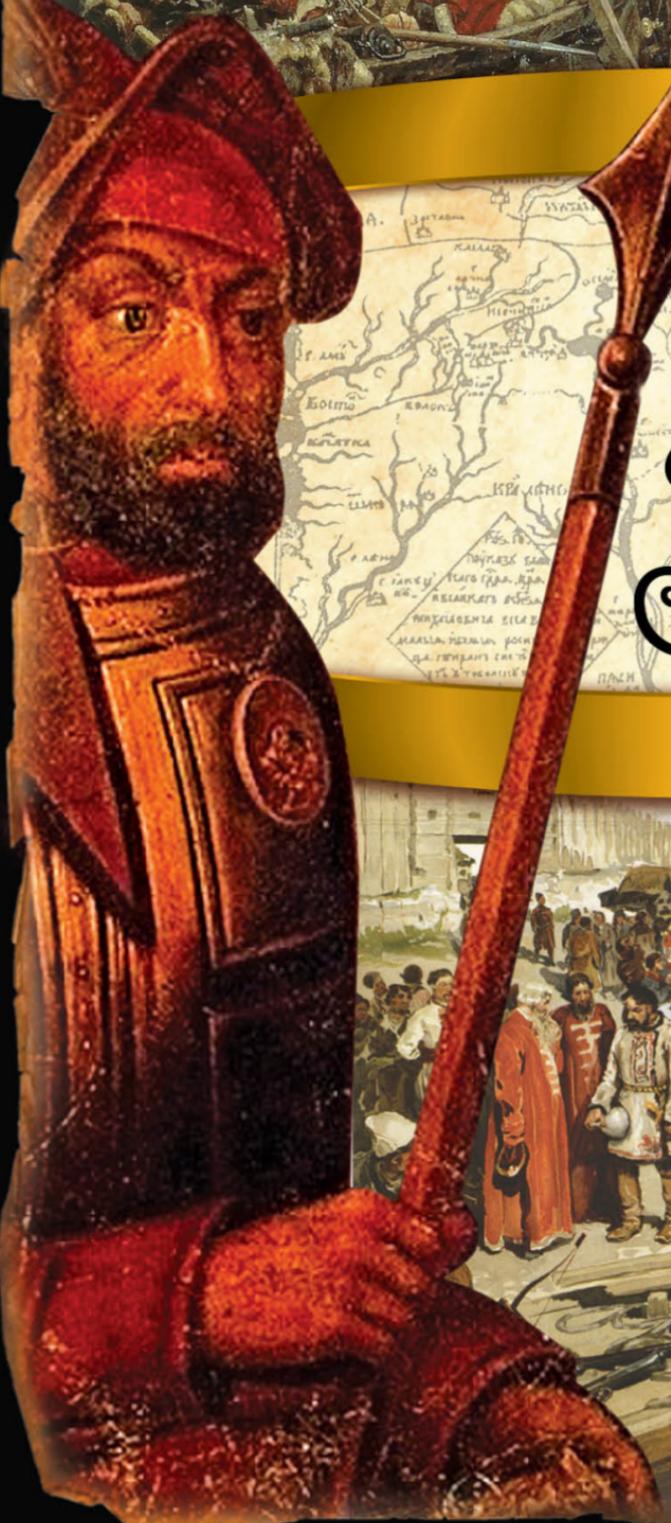

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

ЕРМАК
ПОКОРИТЕЛЬ
СИБИРИ

Русская история

Руслан Скрынников

Ермак. Покоритель Сибири

«Алисторус»

2022

УДК 94-001.5
ББК 63.3(2Рос=Рус)

Скрынников Р. Г.

Ермак. Покоритель Сибири / Р. Г. Скрынников — «Алисторус»,
2022 — (Русская история)

ISBN 978-5-00180-640-0

Книга о Ермаке, покорителе Сибири, принадлежит перу признанного классика историко-биографического жанра Руслана Григорьевича Скрынникова. Основанная на кропотливом анализе обширного документального материала, она воссоздает грандиозную панораму экспедиции русских казаков во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем (1582–1585), результатом которой стало присоединение к Российскому государству Сибири. Нет сомнений, что это событие стало одним из важнейших во всей русской истории, а сам Ермак принадлежит к числу выдающихся людей нашего Отечества. В качестве Приложения в книгу помещены тексты двух сибирских летописей XVII века, рассказывающих об эпопее Ермака, а также подлинный текст Синодика Ермаковым казакам, составленного в 1622 году при участии уцелевших казаков его дружины.

УДК 94-001.5
ББК 63.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00180-640-0

© Скрынников Р. Г., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Предисловие	6
«Родословная» Ермака	7
Вольные казаки	11
На государственной службе	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Руслан Скрынников

Ермак. Покоритель Сибири

© Скрынников Р. Г., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие

В конце XV – начале XVI века на месте разрозненных русских княжеств образовалось обширное Российское государство. Русь покончила с иноземным игом и принялась расчищать почву от осколков рассыпавшейся империи завоевателей – Золотой Орды.

Время Ивана Грозного было временем крупных успехов и одновременно больших неудач обретающего мощь Российского государства. «Казанское взятие» открыло русским путь в низовья Волги и на Каспийское море. Однако все попытки России получить выход на Балтийское море и установить прямые торговые связи со странами Западной Европы по кратчайшим морским путям закончились неудачей. Последние годы двадцатипятилетней Ливонской войны были отмечены голодом, разрухой и тяжелейшими поражениями.

Среди сплошных неудач конца войны «сибирское взятие» Ермака блеснуло подобно молнии в ночной тьме. Горстка ермаковых казаков нанесла сокрушительное поражение «царю» Кучуму, властителю Сибирского ханства и наследнику Золотой Орды.

Освоение Сибири, начало которому было положено экспедицией Ермака в Зауралье, явилось крупнейшей вехой в русской средневековой истории. Казаки Ермака сделали первый шаг, открыв пришедшим на смену им землепроходцам путь в глубины неведомого и огромного азиатского материка. Вслед за великими географическими открытиями на западе настало время русских географических открытий на востоке. Через полвека после гибели Ермака русские вышли на берега Тихого океана.

Сохранилось совсем немного достоверных данных, которые позволили бы составить правдивое жизнеописание Ермака. Раскрыть незаполненные страницы его биографии поможет исследование эпохи и среды, выдвинувшей прославленного покорителя Сибири. Эпоха – вот ключ к пониманию характера и деяний Ермака, одной из самых примечательных фигур русской средневековой истории.

«Родословная» Ермака

«Сказки» и челобитные грамоты ермаковцев служат незаменимым источником для тех, кто задался целью составить биографию Ермака.

На склоне лет ветераны не раз вспоминали о своей долгой службе в станице у Ермака. «Старый» казак Гаврила Ильин писал в челобитной грамоте царю, что в былые времена он двадцать лет «полевал» (нес полевую службу) с Ермаком в «диком поле». Его слова вскоре же подтвердил другой ветеран – Гаврила Иванов. По свидетельству Иванова, он служил царю «на поле двадцать лет у Ермака в станице» и в станицах у других атаманов.

Достигшие самого преклонного возраста сибирские казаки вспоминали то доброе старое время, когда сами они были совсем молодыми. Если Ермак уже тогда командовал станичниками и числился атаманом, то, значит, он провел «в поле» никак не меньше 25–30 лет. Отсюда следует, что Ермак покинул родные места то ли во времена «Казанского взятия», то ли в первые годы войны за Ливонию.

Жизнь в казачьих зимовьях была трудной, и ее могли вынести лишь люди, достигшие «совершенных лет». Ермаку едва ли было меньше пятнадцати, когда судьба забросила его в степные станицы.

Самые приблизительные подсчеты подсказывают, что атаману Ермаку Тимофеевичу исполнилось ко времени похода в Сибирь никак не меньше 40–50 лет. Значит, родился он в глухую пору боярского правления на Руси – то ли в 30-х, то ли в 40-х годах XVI века.

Придет время, и многие волости и городки будут оспаривать честь именоваться родиной покорителя Сибири. По одной версии, Ермак происходил из волости Борок на Северной Двине, по другой – из Тотемских волостей Вологодского уезда, по третьей – из строгановских вотчин на Чусовой. Все это не более чем предания, возникшие в позднее время.

В XVIII веке некий книжник старательно переписал «Сказание», принятое им за автобиографию Ермака. Строка за строкой ложились на страницы летописи известия, одно удивительнее другого. «О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его был суздалец посадский человек, жил в лишении, от хлебной скудости сошел в Володимер, именем его звали Афонасей Григорьевич сын Аленин, и ту воспита двух сынов Родиона да Тимофея, и кормился извозом, и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда бежал з женью и з детми в Юрьевец Поволской, умре, а дети Родион и Тимофей от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы, ему породил детей: у Родиона два сына: Дмитрий да Лука; у Тимофея дети: Гаврило да Фрол да Василей. И онной Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость, и прибрав себе дружину малую и пошел от работы на разбой, и от них звашеся атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожной артельной таган, по вол(ж)ски – жерновой мелнец рушной».

Даже среди дворян не все имели свою письменную родословную. Вольному же казаку «написание» о предках было просто ни к чему. Приведенное «родословие» Ермака – всего лишь наивная выдумка.

Сочинители родословия Ермака допустили забавную ошибку. Они рассматривали имя «Ермак» как прозвище и приписали ему чуждое значение – «таган» или «жернов». Они не догадывались о том, что атаман носил православное имя Ермолай, от которого и произошло сокращение «Ермак». Недоразумение привело их к очевидной ошибке – замене подлинного имени вымышленным. Возможно, в строгановских вотчинах XVI или XVII века и жил разбойник Василий Аленин, но к Ермолаю Тимофеевичу – историческому Ермаку – он не имел никакого отношения.

Настоящее прозвище атамана известно из документов Посольского приказа, использованных составителем Погодинской летописи. В связи с первым упоминанием имени Ермака ее автор сделал ремарку: «Прозвище ему было у казаков Токмак». Русские люди XVI века придавали прозвищу особое значение. Те, кто боялся дурного взгляда, скрывал всю жизнь свое молитвенное имя и довольствовался прозвищем. Большинство людей откликались и на имя, и на прозвище.

Молодость Ермака.

Рисунок из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. 1689 г.

Человек не выбирал прозвище по своему усмотрению. Прозвищем его награждала народная молва. Оно приклеивалось к нему навек и указывало либо на достоинство, либо на изъян, либо на какую-нибудь другую характерную черту. Были «Горбатые» и «Глухие», «Красные» и «Сухорукие», «Слизни», «Ерши», «Нюньки», «Брюхатые» и «Благие».

Портрет Ермака. Неизвестный художник, XVIII в.

Ермак получил весьма красноречивое прозвище – Токмак. В России были разные говоры, оттого слово «токмачить» имело неодинаковый смысл. Одни под словом «токмачить» подразумевали «толочь», а словом «токмач» обозначали увесистый пест либо «бабу» для трамбовки

земли. Другие говорили «токмачить», подразумевая «бить», «колотить», «толкать». В их понимании «токмак» означало деревянную колотушку.

Давним обычаем в русских городах и деревнях были кулачные бои. Либо деревня шла на деревню, либо улица на улицу. Не в таких ли состязаниях получил свое прозвище Ермак? А может быть, казаки стали звать Ермака Токмаком уже после того, как он стал их предводителем и отличился в битвах с врагами? В любом случае прозвище указывало скорее на достоинство, чем на недостаток. В имени Токмак угадывался намек на несокрушимую физическую силу, которую умели ценить в народе.

Как прожил Ермак первую половину своей жизни? Откуда он был родом? На эти вопросы невозможно ответить из-за отсутствия достоверных данных. Известно лишь, что Ермак «гулял» в казаках по полю не одно десятилетие. Этот факт имеет исключительное значение для составления его жизнеописания.

«Служба» Ермака относилась к тому самому времени, когда вольное казачество сделало решающие успехи в освоении «дикого поля».

Чтобы заполнить пробелы в ранней биографии Ермака, надо составить возможно более полную историю казаков при Иване Грозном. Ермак не только пережил эту историю вместе со своими будущими соратниками, но был одним из подлинных ее творцов.

Вольные казаки

Монголо-татарское нашествие смело с лица земли славянские поселения в степной полосе между Днепром и Волгой, на Дону и в Приазовье. Но пути вглубь степей не были забыты на Руси. Едва Золотая Орда утратила былое могущество и стала распадаться, русское население начало возвращаться в донские, приазовские и волжские степи. Медленное, но ощутимое движение происходило на всем пространстве от Киева до Нижнего Новгорода.

Выходцы из Руси небольшими ватажками отправлялись вниз по течению рек на промыслы, с наступлением холодов возвращались домой либо «полевали» в степях. На окраинах находили прибежище прежде всего те, кто искал спасения от тягла, даней и оброков. Немногочисленные русские переселенцы очень часто присоединялись к татарским станицам, население которых по своему социальному облику мало чем отличалось от них самих. То были выходцы из татарских кочевий, беглые «черные люди» и рабы. Сами наименования, усвоенные вольным населением степей – «казак», «есаул», «атаман», – бесспорно татарского происхождения.

На первых порах среди казаков преобладали татары, выходцы из разных орд. В 1538 году московские власти во время переговоров с Ногайской ордой отметили, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят».

Приток населения со славянских территорий со временем изменил лицо вольных станиц. Сказалось то, что земледельческое население Руси было куда более многочисленным, нежели редкое кочевое население степей. Сказалось и быстрое развитие самодержавных форм власти в России, сопровождавшееся усилением гнета и насилий в отношении низов.

Число выходцев с русских «украин» умножалось из года в год. В 1546 году путивльский воевода писал Ивану IV в Москву: «Ныне, государь, казаков на поле много: и черкасцев, и кыян, и твоих государевых, вышли, государь, на поле изо всех украин».

Беглый люд поначалу жил в станицах и «зимовьях». Со временем в местах наибольшего скопления колонистов появились укрепленные «засеки» и «городки».

Выходцы из Киева и других украинских мест основали себе «сечь», или засеку, за днепровскими порогами уже в середине XVI века. Запорожская Сечь, объединившая казачьи городки на Днепре, стала оплотом обороны Украины от нападений крымцев.

Вскоре же выходцы из Чернигово-Северской земли основали поселения на Дону. Ногайцы тотчас потребовали от царя свести с Дона казаков-севрюков и всю ту «русь», которая живет на Дону. Но Иван IV отвечал ногайцам, что казаки поселились там без его ведома, убежав из государевых владений.

Ногайский князь Юсуф жаловался, что подданный царя Сары-Азман и его товарищи «на Дону в трех или в четырех местах города поделали» и громят послов и торговых людей. Московские люди не отрицали того, что Сары-Азман прежде действительно служил царю, но впоследствии «те наши холопы в нашей земле многое лихо учинили», из-за чего и принуждены были бежать в поле.

Поначалу вольные казаки жались к государевым «украинам», но с годами уходили все дальше и дальше в «дикое поле».

В начале XVI века московские власти решили установить постоянные дипломатические отношения с Турцией. С этой целью вызвали казаков и задали им вопрос о степных путях-дорогах. Казаки отвечали, что с Черного моря турки могут пройти мимо Азова на Переволоку. Но «сходиться» на Переволоке нельзя из-за постоянных нападений со стороны Астраханской орды. В конце концов, местом съезда послов были избраны реки Медведица и Хопер.

Более полувека Казань находилась в вассальной зависимости от России. Мир на казанских границах облегчал русским продвижение на северные притоки Дона – Хопер и Медве-

дицу. Хопер далеко отстоял от порубежных русских крепостей. Но вольные казаки в такой мере освоили эту реку, что называли ее вполне безопасным («крепким») для встречи послов местом.

Ко времени Казанской войны казаки продвинулись далеко на юг и в Поволжье, и на Дону. Московский посланник Семен Мальцев в 60-х годах XVI века видел два казачьих городка на нижней Волге. Донские казаки к тому времени обжили низовья Дона. В 1571 году Иван IV впервые отрядил гонцов к донским атаманам в устье Северского Донца. К следующему десятилетию относятся достоверные известия о существовании нескольких укрепленных казачьих городков на Дону и на Маныче. Самым значительным из них стал городок Раздоры, будущая столица Войска Донского.

В «диком поле» казаки вели жизнь, полную опасностей и тревог. Оттого женщины, если и попадали в их станицы, оставались там недолго. Членами степного братства могли быть только мужчины.

«Нагулявшись» в поле, казак возвращался в родные места, женился, заводил детей. Но даже семья не всегда становилась для него прочным якорем. Тех, кто однажды побывал в вольных станицах, трудно было удержать на одном месте. Случалось, что крестьяне сами отпускали взрослых сыновей в казаки, стремясь избежать раздела земли. В степи крестьянский парубок мог либо сложить голову, либо найти свою удачу. В крестьянской семье неожиданная подмога ценилась очень высоко.

Много людей покидало родную деревню в лихую годину. Воротившиеся назад нередко находили заколоченные избы. Помянув близких в церкви, они вновь уходили в степь – на этот раз навсегда.

Царские послы, ездившие в Турцию через землю донских казаков в 80-х годах XVI века, писали из Азова в Москву, что «на Дону и вблизи Азова живут казаки, все беглые люди: иные казаки тут и постарились живучи».

К тому времени, когда Ермак задумал поход в Сибирь, среди казаков было немало таких, кто век свой прожил в станицах на Дону, в Поволжье, на Яике и Тереке. Рядом с этими «старыми» казаками появились «новые» – недавние беглые. Власти адресовали свои грамоты «донским атаманам и казакам старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова».

Благодаря тому что в станицах жили бок о бок татары и русские, станичникам нетрудно было наладить торговлю с ближайшими ордынскими базарами. В то же время они не порывали связи с Россией. Казаки возили рыбу, дичь и другие товары в ближайшие русские города и возвращались в степь с хлебом.

Жившие под Азовом донские казаки постоянно посещали базары в пригородах турецкой крепости. Характеризуя мирные отношения казаков с Азовом, турецкий султан писал в 1575 году: «А ведь де Азов казаками и жил, а казаки де Азовом жили, о чем де у них по ся места все было смирно».

Азовские власти и ордынская знать не прочь были превратить казаков в своих подданных. Но казаки оказывали вооруженное противодействие их поползновениям. Обстановка анархии, царившая на бывшей территории Золотой Орды, благоприятствовала им.

Азов был крупнейшим невольничьим рынком в Восточном Причерноморье. Татарские мурзы везли сюда полоняников, захваченных во время постоянных набегов на пограничные русские земли и казачьи станицы. Торговля русскими невольниками явилась еще одной причиной вражды казаков с азовцами. Царские дипломаты заявляли турецким властям в Константинополе, что «азовские люди и Казыева улуса и Дивеевых детей (люди) с крымскими и ногайскими людьми ходят на государевы окраины войною и многих русских людей емлют в полон и возят в Азов, и казаки, того не мога терпети, на них приходят».

С давних пор из Азова русских невольников продавали по всему Востоку. Успехи казачества нанесли сильный удар азовской работорговле. Отныне русский «полон», отбитый казаками, стал постоянным источником пополнения степных станиц.

Москва исподволь поддерживала «малую» войну вольных казаков против ордынцев. Но как только их действия приводили к дипломатическим осложнениям или наносили ущерб царской казне либо союзникам, власти отказывались нести за них какую бы то ни было ответственность и призывали ордынцев к истреблению «воровских людей». При этом они разъясняли туркам и татарам, что «воровские» казаки не являются подданными царя и тот сам их казнит при первом удобном случае. Эти заявления царских дипломатов нельзя принимать за чистую монету. Правдой в них было лишь то, что московские власти никогда не могли полностью подчинить себе вольные казачьи окраины.

В «диком поле» вольные казачьи общины основывали свои станицы либо на больших речных островах, либо на гористых берегах, наподобие волжских Жигулей. В реках колонисты ловили в большом количестве рыбу, в окружающих лесах промыслили дичь. Реки давали им не только пропитание, но и служили надежным укрытием. Легкие речные суда – струги заменяли переселенцам лошадей. Верхом на коне казаку трудно было ускользнуть от подвижных татарских отрядов. Когда казакам приходилось надолго покидать свои станицы и отправляться в походы с царскими воеводами, они почти всегда сражались в пешем строю либо на стругах.

Русское население имело давнюю земледельческую культуру. Покидая пески и суглинки, оно находило в степях чернозем. Переселенцы могли завести пашню, но никогда не заводили ее в своих станицах. Они знали: там, где будут возделанные поля, немедленно появятся данщики. На русских «украинах» даже государевы крепости не могли спасти крестьянские поля от набегов кочевников. Среди ордынских кочевий казак не имел шанса вырастить и сохранить урожай.

Нападения ордынцев приучили казаков к войне. Беглый люд был недостаточно вооружен. Но со временем война дала им необходимое оружие, и тогда казаки нашли дополнительный источник доходов в войне и военной добыче.

Казаки предпринимали походы по морю к крымским и турецким берегам. Временами они собирались в ватаги и грабили проезжих купцов – ногайских, крымских, реже русских, иногда англичан.

Разбойные нападения казаков нередко обсуждались дипломатами и приобретали громкую известность. Но военная служба в России открыла перед казаками гораздо большие возможности. На службе казаки получали хлебное жалованье, свинец и порох. Без всего этого они никогда бы не выстояли в борьбе с ордынцами. Отправляясь на Русь, казаки получали возможность видаться с родными.

Московские власти употребляли всевозможные средства для того, чтобы привлечь казаков на постоянную военную службу. Их усилия давали определенные результаты. Гарнизоны пограничных крепостей непрерывно пополнялись казаками либо людьми, прибранными в казаки. Они получали от казны содержание, иногда пашенные наделы.

Однако население, обитавшее в «диком поле», цепко держалось за свою вольную жизнь. Станицы пополнялись беглыми холопами, крестьянами, посадскими людьми, не помышлявшими о возвращении в тягло. Иногда они поступали со своими атаманами «в найм» и отправлялись в походы с царскими воеводами. Казна платила им деньги, пока они непосредственно участвовали в военных действиях. Едва поход заканчивался, вольные казаки возвращались в свои зимовья.

Казаки выбирали атаманов из своей среды, собравшись в «круг». Правительство принуждено было считаться с их порядками и молчаливо признавало их самоуправление.

Никто не знает, из каких мест происходил Ермалай Тимофеев и в какой семье он родился. Если он прожил в «диком поле» двадцать и более лет, значит, нити, привязывавшие его к родным местам, порвались.

Молодые казаки начинали службу, подражаясь в «товарищи» к старшим по возрасту и опыту казакам. Через это проходили все выходцы из России. Вероятно, и Ермак жил в «товарищах», пока не стал «старым» казаком. Затем казаки оказали ему доверие, избрав в атаманы. Шли годы, менялся состав станиц. «Погуляв» в поле, молодежь возвращалась домой. Место выбывших тотчас занимали другие люди: беглого народа всегда хватало на окраине. Не менялся лишь круг «старых» казаков. В их среде сложился свой кодекс, неписанные законы вольницы.

На государственной службе

Власть монголо-татарских ханов держалась на восточной окраине Европы в течение веков. Едва Золотая Орда пала, возникла новая опасность. Народам Восточной Европы стала угрожать Османская империя, которая сокрушила тысячелетнюю Византийскую империю, завоевала Балканы, подчинила Крым и утвердилась в устье Дона. Крымские Гиреи, ставшие вассалами Османской империи, пытались использовать силы султана, чтобы вновь объединить бывшие владения Золотой Орды. Представители крымской династии водворились на престоле в Казани, столице самого сильного из татарских «царств» на берегах Волги.

После падения ордынского ига степные набеги на Русь на время прекратились. Но затем они возобновились с новой силой. При Василии III крымцы подошли к Москве и подвергли страшному опустошению всю столичную округу. Отряды казанских мурз грабили окрестности древнего Владимира и Костромы. Вспоминая то лихое время, царь Иван с горечью писал: «От Крыма и от Казани до полуземли пусто бяше».

Вскоре после коронации на царство Иван IV предпринял свой первый поход на казанцев. Дождавшись морозов, русские полки двинулись в поход по накатанным зимним дорогам. Неожиданно в разгар зимы наступила оттепель и прошли дожди. Оттепель застала русских на берегах Волги неподалеку от Казани. Царь не желал отменять поход и приказал начать переправу. Но лед подтаял и во многих местах ломался под тяжестью пушек и ратников. Потеряв немало людей, Иван IV «со многими слезами» вернулся в Москву.

Два года спустя царь привел свои рати к самым стенам Казани. Но наступление было плохо подготовлено и, простояв у Казани одиннадцать дней, воеводы повернули прочь.

В 1552 году столичное население вновь провожало ратных людей в поход. Крымский хан пытался помешать планам царя. Он устремился к Москве и вышел в район Тулы. Но тут воеводы нанесли ему сильный удар.

Наступили последние летние дни, когда полки обложили Казань со всех сторон. Татарская крепость располагалась на вершине обрывистого холма у речки Казанки. Под ее стенами зиял ров.

В течение нескольких дней русские соорудили осадную линию из бревенчатого частокола и плетеных корзин, наполненных песком. Расположив тяжелую осадную артиллерию в непосредственной близости от стен, воеводы подвергли город усиленной бомбардировке. Против главных ворот русские соорудили трехъярусную деревянную башню высотой около 15 метров. С башни пушкари обстреливали город поверх крепостных стен. Искусные мастера соорудили подкоп и взорвали колодцы, питавшие город водой.

На рассвете 2 октября 1552 года мощные взрывы потрясли крепостную стену. В нескольких местах укрепления были разрушены. Русские полки устремились с разных сторон на приступ.

В битве за Казань участвовало много казаков. Воеводы знали их храбрость и направляли их туда, где больше всего лилось крови. В день решающего штурма первыми к стенам крепости пошли «многие атаманы, и казаки, и стрельцы, и многие боярские люди, и охотники». Казаки яростно рубились с врагом в проломах, карабкались на стены по лестницам. Наступавшие в первом эшелоне понесли наибольшие потери, но задача была выполнена. Захватив привратные башни, казаки и ратники распахнули ворота, через которые в город вступила дворянская конница.

Осада Казани в 1552 году. Художник В. С. Бодров

На узких и кривых улицах Казани произошла кровавая сеча, столица ханства пала.

Народная память сохранила давний миф, будто Казань добыл царю не кто иной, как Ермак. По преданию, царь Иван стоял под Казанью несколько лет, пока на помощь к нему не явились казаки. В поход их позвал Ермак:

Пойдем-ка, братцы, под Казань-город:
Под ним Грозный царь стоит,
У него ли там много силушки,
Он семь лет стоит под Казанию,
Он семь лет стоит, не возьмет ее!

«Казанское взятие» отозвалось в веках гулким эхом. В своих песнях донские казаки славили победителей и даже происхождение свое связывали с давним подвигом. В награду за разгром Казани казаки просили пожаловать им вольный Дон:

Казаки в Казань ворываются,
А орда из ней убирается,
Царь въезжает во Казань-город,
Он там хвалится, прославляется.
Вот Ермак к нему является:
– Чем, Ермак, тебя пожаловать?
– Ты отдай, государь, нам Тихий Дон
Снизу до верху, сверху до низу,
С его реками и вершинами!

Память об отважных атаманах, бившихся за Казань, долго жила в донских станицах. В начале XVII века донцы подали царю такую челобитную. «В которых время царь Иван стоял под Казанью, – писали они, – и по его государеву указу атаманы казаки выходили з Дону и с

Волги и с Яика и с Терека: атаман Сусар Федоров и многие атаманы казаки ему, государю, под Казанью служили...»

Семь лет длилась Казанская война, и в течение всего этого времени население вольных казачьих станиц боролось с ордынцами то вместе с московскими отрядами, то на свой страх и риск.

Выступления казаков на всем пространстве от Перекопа до Астрахани вызвали тревогу в далеком Константинополе. Послы повелителя «правовверных», прибывшие в Ногайскую орду, утверждали (согласно русской информации), будто султан терпит от московского государя многие обиды. Царь, говорили они от имени султана, «поле де все, да и реки у меня поотымал, да и Дон от меня отнял. поотымал всю волю в Азове: казаки его с Азова оброк емлют, и воды из Дона пить не дадут; а крымскому де царю потому же обиды чинят великие, какую де соромоту казаки крымскому царю учинили – пришед, Перекоп воевали; да казаки Астрахань взяли».

Сведения относительно «речей» султана не отличались достоверностью. Доброжелатели Москвы, сообщившие царскому послу об обидах султана, сознательно сгустили краски. Они добивались, чтобы царь унял казаков. Но их старания не достигли цели.

Чем дальше продвигались в степи русские воеводы, тем энергичнее поддерживали их казаки. Волжские казаки, знавшие как свои пять пальцев пути в Нижнем Поволжье, вели русские отряды к Астрахани в качестве «вожей» (проводников).

Атаман Федец Павлов укрепился на волжских перевозах и отбил ногайцев, пытавшихся оказать помощь астраханскому хану. После взятия Астрахани казаки Павлова прошли на стругах в низовья Волги и захватили там ханские суда с оружием, а затем и гарем хана.

Иван IV отдал Астрахань служилому хану Дервиш-Али. Но в 1556 году тот нарушил присягу. Запросив помощь из Крыма, он выбил воеводу Мансурова с Переволоки между Волгой и Доном. Отступив с Переволоки, Мансуров нашел прибежище у вольных казаков в их городке Зимьево.

Османская империя, владевшая устьем Дона, давно лелеяла планы захвата Волги. По приказу султана крымский хан направил в Астрахань воинские силы – 700 всадников, 300 янычар с огнестрельным оружием и артиллерию.

Казаки понимали, сколь важно не упустить время и не дать крымцам закрепиться в Астрахани. Они решили действовать, не дожидаясь подхода подкреплений из Москвы. Атаман Филимонов напал на астраханские улусы и нанес Дервишу-Али жестокое поражение. В его руки попали двое крымских мурз и много других пленных. Помощь султана не спасла хана. Дервиш-Али бежал из Астрахани.

Когда государевы воеводы Черемисинов и Писемский явились в низовья Волги, они нашли город пустым. Наспех починив укрепления, ратные люди отправились по следам Дервиша-Али вниз по Волге. В первой посылке они захватили много ханских судов и сожгли их. В другой раз Федор Писемский получил сведения о том, что Дервиш-Али стоит в 20 верстах от Волги. Покинув суда, воевода посреди ночи напал на ханский лагерь. Там поднялся переполох. Наутро Дервиш-Али с астраханскими, ногайскими и крымскими отрядами напал на малочисленный русский отряд. На этот раз отступить пришлось Писемскому. Бой длился весь день. В полном порядке отряд отступил к Волге и, погрузившись в струги, ушел к Астрахани.

О посланіи на лѣзъ порохань царя дербы
 алѣа . И того же дни по есау кнзю рѣ
 ѣа по нѣст по арыши по црѣ ѣеиного
 кнѣа на кѣзѣ . црѣ дербы шѣ алѣа на лѣ
 ст порохань послан . И тѣмъ людемъ ко
 торыѣ перенмали по ихъ челоу и тѣмъ
 хѣрлацѣ при
 селѣ

Лицевой летописный свод, 1568–1576 гг.: «О посажении на Асторохань царя Дербыш Алея. И в тот же день воеводы князь Юрий Иванович с товарищами по наказу царя и великого князя на Асторохань посадили царя Дербыш-Алея, и тех людей, которых переловили, по их челобитью к клятве привели»

С вестями о втором «Астраханском взятии» в Москву выехал гонец от воевод и атаман Архипко от казаков.

Волжские казаки помогли воеводам утвердиться в Астрахани. Но они вскоре же почувствовали тяжесть царской десницы.

Гонцы уведомили Ногайскую орду, что царь намерен поставить на Волге стражу – «казак добрых вам на бережение, в которых воровства нет». Весной 1557 года Посольский приказ обратился к ногайцам с новым разъяснением. Московские дипломаты заявили, что государь послал на Волгу отряды Степана Кобелева и Ляпуна Филимонова, «а велел с Волги казаков всех сослать». На главнейших волжских перевозах появились царские караулы. Атаман Филимонов с отрядом расположился на Переволоке, перекрыв пути с Волги на Дон. Сотня стрельцов водворилась на Иргизе.

Среди вольных казаков существовал неписанный закон, запрещающий атаманам целовать крест царю и поступать в государевы служивые люди. Даже при царе Михаиле Федоровиче Романове в XVII веке донские казаки отказывались присягать правительству, ссылаясь на времена Грозного, когда Сусар Федоров и другие вольные атаманы служили царю под Казанью «не за крестным целованьем».

Ляпун Филимонов был одним из подлинных героев «Астраханского взятия». Царские дипломаты называли его сыном боярским. Значит, Филимонов принадлежал к числу служилых атаманов. Скорее всего власти наградили его поместьем за его выдающиеся военные заслуги.

Как только Филимонов и другие «добрые» казаки взялись за укрощение вольницы, наступила трагическая развязка. Станичники призвали атамана в свой лагерь и по приговору круга казнили его.

Хан не терял надежды на то, что при помощи турок ему удастся вновь посадить своих ставленников в Казани и Астрахани. Война между Россией и Крымом приобретала все больший размах, и московские власти все чаще обращались за помощью к вольным казакам – сначала к донцам, а затем и к запорожцам.

Воевода Данила Чулков в 1556 году отправился в поле на Дон и разгромил близ Азова отряд в 200 крымцев. Тогда же отряд воеводы Ржевского предпринял поход против хана в Поднепровье. Едва русские ратные люди показались на Днепре, к ним тотчас присоединились черкасские атаманы из Канева – Михайла Еськович с отрядом в 300 казаков. Ржевский сжег предместья турецкой крепости Очаков и нанес поражение крымцам. Его наступление поддерживал атаман Миша Черкашенин с донскими казаками. Черкашенин спустился по реке Кальмиус в Азовское море и напал на крымские улусы в окрестностях Керчи.

Среди украинского населения победа над крымцами вызвала подлинное воодушевление. Не только казаки, но и некоторые шляхтичи оказались захвачены общим потоком. К ним присоединился православный магнат князь Дмитрий Вишневецкий, недовольный королем.

Едва Ржевский вернулся из-под Очакова, каневский атаман Михайла Еськович помчался в Москву с сообщением исключительной важности. Вишневецкий уведомил Ивана IV о том, что вместе с казаками выстроил укрепления на Хортицком острове у Конских Вод и готов перейти на царскую службу. Вскоре казаки предприняли нападение на турецкую крепость Ислам-Кармен. В отместку крымцы напали на Хортицу и разрушили возведенные там укрепления.

Не имея возможности удержать Хортицу, Вишневецкий вскоре же занял Черкассы и Канев и предложил Ивану IV принять эти города под свое покровительство. Грозный не желал

нарушать перемирие с Польшей. Он пригласил Вишневецкого в Москву и пожаловал ему удельное княжество.

Московские ратные люди и казаки теперь ежегодно появлялись на Дону и Днепре. В 1559 году брат правителя государства Алексея Адашева Данила возглавил морской поход в Крым. Его отряд на судах вышел из устья Днепра и, миновав Кинбурнскую косу, подошел к Перекопу. Несколько недель русская флотилия ходила у берегов Крыма, наводя страх на татар и производя нападения на прибрежные улусы. Адашев освободил из плена много русских невольников и с большой добычей благополучно вернулся в казачью «засеку» на Монастырский остров. Тем временем запорожцы рассеяли крымцев на Айдаре близ Азова.

Успехи русского оружия благоприятствовали формированию казачьих общин в бассейне Дона, Волги и Яика. Совместные боевые действия упрочили братство русских казаков с запорожцами и «черкасами» – украинскими казаками.

Ливонская война круто изменила внешнеполитический курс Российского государства. Начав борьбу за выход в Балтийское море, Россия вскоре оказалась в состоянии войны с Польско-Литовским государством.

Польский король Сигизмунд II Август заключил договор о протекторате с Ливонским орденом и предпринял попытку изгнать русских из занятых ими ливонских замков.

Королевские дипломаты старались поднять на Москву крымцев. Тогда Иван IV снарядил в Поднепровье Вишневецкого, поручив ему «делать недружбу царю Крымскому и королю Литовскому». Вместе с Вишневецким на Днепр отправились 300 ратных людей князя, 400 украинских казаков и 150 казаков «прибору» московского атамана Водопьяна.

Служба московского царя давно тяготила Вишневецкого. Его колебаниям пришел конец, когда к нему явились двое его братьев. Воевода попытался силой увести с собой в Литву каневских казаков, перешедших прежде других на московскую службу. Но атаманы Савва Балыкчей Черников, Ивашка Пирог Подольнин, Ивашка Бровка и другие отказались повиноваться ясновельможному пану и вернулись в Москву.

Недолго прожил Вишневецкий после отъезда из Москвы. Год спустя он попал в руки к туркам и был подвергнут мучительной казни.

Ввязавшись в войну с польским королем, Иван IV в 1563 году занял одну из его сильнейших пограничных крепостей Полоцк. Как и в дни Казанской войны, московское командование призвало под знамена многих станичников. В штурме Полоцка участвовало до шести тысяч служилых и вольных казаков. Ни в одной военной кампании казачьи отряды не были столь многочисленны, как в полоцком походе.

Война в Ливонии оставила след в истории казачьих окраин. Прикованные к западным границам, отряды государевых ратных людей перестали появляться у Перекопа и под Азовом. Царское правительство не помышляло более о том, чтобы «свести» казаков с их рек.

Едва отряды ратных людей ушли с Дона, казаки подверглись сильному натиску со стороны крымцев и азовцев. Кочевники громили казачьи станицы, истребляли жителей, а взятых в плен казаков продавали в рабство на невольничьих рынках в Азове и Крыму. Страшная участь ожидала вольных атаманов, попавших в руки к врагам. С них живьем сдирали кожу, закапывали в землю, сажали на кол.

Властитель Османской империи лишь ждал случая, чтобы изгнать русских с Дона и Волги. Воспользовавшись тем, что русские армии увязли в Ливонии, он решил силой захватить Астрахань и твердой ногой стать в Поволжье.

Тревогой повеяло в казачьих станицах, когда там узнали о прибытии турецкого флота и многочисленной армии в устье Дона. Казаки понимали, что завоевание Астрахани турками означало бы конец их вольной жизни.

Русско-турецкая война стала событием в жизни многих донских и волжских атаманов. Ермак был одним из них. События разворачивались на его глазах и скорее всего при его уча-

стии. Атаман Ермак Тимофеевич не принадлежал к числу тех, кто в минуту опасности отсиживался в углу.

С наступлением лета 1569 года турецкий флот двинулся из Азова вверх по Дону к Переволоке. Капудан-паша имел под командой около сотни больших и малых судов. Флотилия растянулась по реке на много верст.

Две с половиной тысячи гребцов не выпускали из рук весел. Кого только тут не было: пленные венгры и итальянцы, албанцы и русские, греки и молдаване. Среди русских преобладали казаки волжские, рязанские, мещерские да еще севрюки из пограничных северских городков.

Чем ближе к Волге подходили турки, тем медленнее двигались их суда. Глубоко сидевшие в воде галеры то и дело садились на мель. Тогда на борту поднималась суматоха. С невольников снимали цепи, и они на шлюпках возили на берег пушки. Когда корабль освобождался от груза, люди волочили его через отмели.

Гребцы на галерах недоумевали: «Куда запропали донские казаки?» «Хотя бы было казаков с две тысячи, – говорили они, – такие бы им богатства в руки попали, только бы напасть им на турецкие катарги на речных отмелях и теснинах. А у нас, христианских пленников, одна мысль: освободившись, будем царю служить».

Однако пленники тшечно ждали появления своих освободителей. Вольные казаки еще не располагали силами, чтобы отважиться на борьбу с огромной вражеской армией. Прошли десятилетия, прежде чем окончательно сложилось Войско Донское со своей столицей и общевойсковым кругом. Пока же малочисленные станицы предпочли уйти с Дона, чтобы действовать сообща с государевыми воеводами.

Отборное султанское войско, насчитывавшее 17 тысяч всадников, двигалось к Астрахани, сметая все на своем пути. Их сопровождало 40 тысяч крымцев.

На Переволоке турецкий паша разбил лагерь и велел прорыть канал, чтобы открыть своим судам путь с Дона на Волгу. Две недели невольники трудились под палящим солнцем, обливаясь потом. Наконец паша убедился в том, что затеял непосильное дело. Тогда он отправил суда с тяжелыми пушками вниз по Дону, в Азов. К Астрахани турецкое войско добралось без артиллерии и припасов.

Не только донские казаки, но и государевы воеводы избегали столкновений с многочисленным врагом. Русское командование опасалось нападения на Москву и держало главные силы поблизости от столицы на Оке. На помощь к Астрахани была послана легкая судовая рать воеводы князя Петра Серебряного. Воевода стоял на Царицыне острове у Переволоки, пока турки не показались в излучине Дона. Тогда Серебряный ушел вверх по Волге, поближе к Казани.

Между тем враг покинул Дон и подошел к Астрахани. 16 сентября 1569 года он начал строить осадный лагерь на берегу Волги против Астрахани.

Убедившись в том, что турецкий флот ушел в Азов, воевода Петр Серебряный устремился вниз по Волге. Его суда под покровом ночи проскользнули мимо турецкого лагеря и встали на якорь у астраханских пристаней. Государевых ратных людей у воеводы было не слишком много. Но он мог рассчитывать на помощь казаков. Русский посланник Семен Мальцев, захваченный турками в плен, записал как очевидец, что «в ночи пришли (в Астрахань) суды многие и с казаки».

Прибытие воевод и казаков, вынужденное бездействие, болезни и недостаток провианта посеяли страх во вражеском войске. Вzbунтовавшиеся янычары отказались зимовать под Астраханью. Простояв на виду у крепости 10 дней, турки сожгли свой лагерь и бежали к Азову. Переход по безводным степям Северного Кавказа дался им нелегко. Много воинов погибло от недостатка воды и голода. До Азова добрались лишь жалкие остатки турецкой армии.

Крымцы избежали больших потерь и уже через год после неудачи под Астраханью смогли возобновить войну с Россией. Они перешли границу и подвергли страшному опустошению Рязанщину.

Начавшись на окраинах, война быстро распространилась на центральные районы страны. Хан Девлет-Гирей, собрав сорокатысячное войско и призвав на помощь отряды из Большой и Малой Ногайских орд и из горских княжеств, внезапно напал на Москву.

Ливонская война давно поглощала все силы и средства Российского государства. Накануне ханского вторжения Иван IV направил в Прибалтику отборные силы. Воеводы получили приказ любой ценой овладеть Ревелем. Но осада крепости закончилась неудачей. Русские понесли тяжелые потери. В их лагере свирепствовала чума. С наступлением весны воеводы увели полки на родину и распустили ратных людей по домам.

Когда казаки, несшие дозорную службу в степи, дали знать в Москву о приближении Крымской орды, для Ивана IV эта весть явилась полной неожиданностью. Его воеводы успели собрать на Оке не более шести тысяч воинов. На помощь к ним прибыло опричное войско во главе с царем. Полки надежно прикрыли переправу у Серпухова. Но татары обошли русскую армию с фланга. Иван IV оставался в полной уверенности, что враг еще за Окой, как вдруг опричный сторожевой отряд был атакован и разгромлен превосходящими силами. По совету воевод царь покинул полки и ускакал в Ростов. Тем временем подвижная ханская конница устремилась к Москве, угрожая отрезать пути отступления на север малочисленным русским войскам. Воеводы едва успели укрыться в городе.

Крымско-татарский лучник. Рисунок В. Павличака, XIX в.

Хан вышел к Москве одновременно с воеводами и обосновался в Коломенском, его войско разграбило незащищенные слободы, а затем подожгло предместья Москвы.

С утра стояла ясная, тихая погода. В нескольких местах к небу поднимались черные столбы дыма. Неожиданно налетел ураганный ветер, и пламя охватило город, подобно огненному шквалу.

Звон бесчисленных колоколов возвестил о начале пожара. Удары набата слились в сплошной гул, а затем стали стихать. Огонь уничтожал звонницы одну за другой. Вскоре сильные взрывы потрясли город до основания. Взлетели на воздух пороховые погреба, устроенные под башнями Кремля и Китай-города.

При появлении ордынцев окрестное население бросилось в столицу под защиту крепостных стен. Когда пожар охватил весь город, масса населения стеснилась у северных ворот, где не было неприятеля. В воротах и на прилегавших к ним узких улочках образовался затор. Люди шли по головам других «в три ряда». Кому удавалось спастись от огня, погибали в ужасающей давке. Полки утратили порядок и смешались с бегущим населением. Потери армии были неисчислимы. «От пожарного зною» задохнулся главнокомандующий русской армией.

В течение трех часов столица выгорела дотла. На месте, где только что был цветущий город, остались лишь бесконечные ряды обгорелых печных труб. Татары, пытавшиеся грабить горящий город, гибли в огне. На другой день после пожара хан спешно ушел по рязанской дороге в степи.

Московское правительство сознавало, что разоренная страна не в силах вести борьбу с такими сильными противниками, как Османская империя и Крым. Царь уведомил Девлет-Гирея, что готов «поступиться» в его пользу Астраханью, если тот согласится на военный союз с Россией. Но в Крыму уступки царя посчитали недостаточными и предложение о союзе отклонили.

Россию три года опустошали голод и чума. Ее армия понесла тяжелые потери в Москве. Крымцы не сомневались в том, что русская столица будет для них легкой добычей. Ее старые укрепления были уничтожены огнем, а новые, наспех построенные, не могли их заменить.

Военные неудачи поколебали русское владычество в Нижнем Поволжье. Ногайская орда окончательно примкнула к антирусской коалиции.

Союзниками Крыма выступали многие черкесские князья с Северного Кавказа. За спиной Крыма стояла крупнейшая в Европе военная держава – Османская империя.

Неудача под Астраханью была забыта правителем Порты. Султан разделял и поддерживал планы грандиозных завоеваний в Восточной Европе, выдвинутые Девлет-Гиреем. Страшная угроза нависла над Русью. Хан рассчитывал не только отторгнуть от России Казань и Астрахань, но и захватить Москву. Накануне вторжения он разделил между мурзами будущую добычу – города и уезды России. Мусульманские купцы получили от него грамоты на льготную торговлю по всей Волге. Султан направил в Крым особую миссию для участия в завоевательном походе на Русь.

В ожидании вражеского нашествия русские собрали на южной границе около 12 тысяч конных дворян, более двух тысяч стрельцов. Вместе с казаками, ополчениями северных городов и боярскими холопами армия насчитывала до 30–35 тысяч. Хан имел в своем распоряжении от 40 до 50 тысяч всадников и турецкую артиллерию.

В час опасности власти постарались привлечь для обороны Москвы население вольных казачьих окраин. На Оку прибыла тысяча «казаков польских наемных с пищальми» на стругах. «Польскими» называли тех вольных казаков, которые набраны были в «диком поле» специально для войны с ордынцами.

Еще тысячу казаков наняли своей казной Строгановы. К ним на службу шли прежде всего волжские казаки.

С Дона на Оку прибыл Миша Черкашенин со своим отрядом. Численность отряда осталась неизвестной Разрядному приказу – высшему военному ведомству России. Но дьяки не сомневались, что атаман приведет с Дона значительные силы. Посчитав общую численность

армии, приказные записали в итогах: «И всего во всех полках со всеми воеводами всяких людей 20 043, опричь Мишки с казаки».

Цена боевой опыт вольных казаков, царь включил их в состав Большого полка и тем самым непосредственно подчинил главнокомандующему князю Воротынскому. Две с половиной тысячи казаков значительно усилили Большой полк, насчитывавший 6 тысяч дворян и стрельцов.

Командование разработало подробнейшие планы кампании. Вольным казакам эти планы отводили особую роль. Как только враг будет на Оке, гласил приказ, воеводы должны немедленно перекрыть переправы, а «казакам с пищальми к тому месту спешить в стругах и промышляти у реки со царем, сколько Бог помочи даст». Подвижная казачья флотилия должна была первой вступить в бой с Ордой на речных переправах. Надеясь на мужество казаков, командование поставило перед ними задачу задержать крымцев на Оке, пока не подойдут главные силы.

В случае отступления хана командование предписало пятистам вольным казакам выбрать «крепкое место у речки или у крепости (в теснине) у ржавца в лесу» и устроить засаду. «Как царь с полоном из земли (Русской. – Р. С.) пойдет», так на него надо напасть и отбить сколько можно пленников.

Миша Черкашенин свято берег традиции донской вольницы и не принимал в свое войско никаких дворян. Во главе всех прочих казачьих отрядов воеводы поставили дворянских голов. Каждому из голов подчинялось пять пеших или конных сотен. Всякий рядовой казак сражался под знаменем выборного вольного атамана.

В июле 1572 года огромные скопления ханской конницы пересекли русскую границу, обошли Тулу и попытались перейти Оку за Серпуховом. Воеводы ждали неприятеля на сильно укрепленных позициях и не дали хану использовать серпуховские переправы. Тогда татары прошли вверх по Оке и ночью захватили Сенькин брод. Русские полки поспешили к броду, но прибыли слишком поздно.

Воевода Хворостинин первым атаковал хана, но вывел свои силы из-под удара, убедившись в том, что ему противостоят главные силы Орды. Полк правой руки пытался перехватить врага на Наре, но был отброшен прочь.

По серпуховской дороге полчища Девлет-Гирея беспрепятственно двинулись к Москве, оставив в тылу русскую армию. Ожидая удара с тыла, хан оставил в арьергарде сыновей с отборной конницей. Князь Хворостинин с передовым полком следовал по пятам за неприятелем и, выждав момент, разгромил его. Крымские «царевичи» бежали до самой ханской ставки. Чтобы выправить положение, Девлет-Гирей выделил в помощь сыновьям 12 тысяч всадников. Сражение разрасталось, и Воротынский в ожидании татар расположил свой полк на косогоре у деревни Молоди, окружив его подвижными укреплениями на повозках – «гуляй-городом». Казаки и стрельцы заняли места у амбразур с изготовленными для стрельбы пищальми.

Троекратное превосходство противника вынудило Хворостинина отступить. Но при этом он осуществил блестяще задуманный маневр. Отступая, русская конница прошла вплотную подле стен «гуляй-города». Увлеченные преследованием крымцы оказались возле русских укреплений. Казаки и стрельцы разрядили в них свои пищали. Заговорили пушки. Клубы порохового дыма окутали «гуляй-город». Конная лавина дрогнула и остановилась. Всадники торопливо поворачивали лошадей.

Двукратное поражение вынудило хана остановиться в 30–40 верстах от русской столицы. Целый день он стоял за Пахрой, ожидая нового нападения воевод. Но воеводы решили дать бой на избранных ими позициях. Они укрепили «гуляй-город», наспех вырыв вокруг него рвы. Полк Воротынского остался в центре кольца из повозок. Остальные полки расположились поодаль, прикрывая его тылы. У подножия холма за речкой Рожай заняли позиции три тысячи стрельцов, чтобы поддержать Воротынского «на пищальях».

Ханское войско быстро преодолело расстояние от Пахры до Рожая и всей массой обрушилось на русских. Стрельцы полегли на поле боя все до единого. Стоявшие за холмом полки также не сумели удержать свои позиции. Но полк Воротынского успешно отбил все атаки неприятеля.

Обеспокоенный неудачей, главный ханский воевода Дивей-Мурза выехал на разведку и неосторожно приблизился к «гуляй-городу». Здесь его захватили в плен «резвые» дети боярские.

Кровопролитное сражение продолжалось до сумерек. В бою погибли предводитель нагайской конницы, трое знатных крымских мурз и множество рядовых воинов.

Обескураженный потерями, Девлет-Гирей прекратил атаки и в течение двух дней приводил в порядок свою расстроенную армию.

Воротынский одержал победу, но в любой момент победа могла обернуться поражением. Когда поредевшие полки укрылись в «гуляй-городе», выяснилось, что запасы продовольствия и фуража на исходе. К концу суток некормленные и непоенные лошади не стояли на ногах. Жажда и голод все больше томили людей. Ратные люди пытались копать колодцы «всяк о своей голове». Но проку из этого было немного.

2 августа хан возобновил штурм русских укреплений, бросив в бой все свои силы. Ханские сыновья, руководившие атакой, решили любой ценой выбить у русских пленного главного командующего Дивей-Мурзу.

Рвы у подножия холма были скоро завалены трупами, но татары продолжали упорно лезть вверх по склону холма. Дощатые стены «гуляй-города» содрогались под ударами татарских сабель. Они были столь неустойчивы, что воины хана пытались опрокинуть их руками. Ратники секли врага саблями и топорами.

К концу дня, когда натиск татар начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход боя. Оборону «гуляй-города» взял на себя Хворостинин. В его распоряжение поступили вся артиллерия, отряды казаков и немцев-наемников. Воротынский же с дворянами покинул укрепления и, продвигаясь по дну лощины за холмом, скрытно вошел в тыл неприятельского войска.

По условному сигналу Хворостинин приказал выстрелить из всех орудий и пищалей, а затем бросился с казаками и немцами вниз с холма навстречу врагу. В тот же миг с тыла обрушился Воротынский. Враги не выдержали удара и бросились в бегство. Множество воинов было перебито и взято в плен. Девлет-Гирей лишился разом сына и внука. Много его мурз попало в плен к русским.

На другой день русские настигли пятитысячный арьергард противника на Оке и разгромили его.

Сражение на Молодях было крупнейшим событием русской истории XVI века. Наголову разгромив Орду в многодневном кровавом сражении, Русь отстояла независимость и надолго обезопасила свои границы от опустошительных вторжений степняков. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью и поражение Крымской орды под Москвой ослабили угрозу османско-крымской экспансии в Восточной Европе.

Победа над Крымом имела не меньшее значение для вольных окраин, чем «Казанское взятие». Русское население пережило опустошительные неприятельские вторжения и пустило в «поле» глубокие корни.

«Казанское взятие» прославило донского атамана Сусара Федорова, астраханское – волжских атаманов Федца Павлова и Ляпуна Филимонова.

В годы Ливонской войны вольные казаки выдвинули из своей среды новую плеяду героев. Самым известным из них был донской атаман Михаил Черкашенин. Его имя рано попало в русские летописи и в записи Разрядного приказа. В 1559 году Черкашенин со своей станицей разгромил крымцев в верховьях Северского Донца и прислал пленных в Москву. В 1570 году

Миша с атаманами и казаками охранял царского посла Ивана Новосильцева во время следования его в «дикое поле» от Рыльска до Азова. За службу казаки получили «государево жалование: деньги, и сукна, и селитру, и свинец». Два года спустя Черкашенин со своим отрядом принял участие в грандиозном сражении с Крымской ордой под Москвой.

Вместе с Мишей Черкашениным героями московской битвы были также несколько десятков других атаманов – цвет волжского и донского казачества.

На Дон Черкашенин вернулся в ореоле славы. Крымцы долго лелеяли планы мести и наконец осуществили их. Они захватили в плен сына атамана Данилу и приговорили его к смерти. Ради спасения сына Миша решился на отчаянный шаг. Созвав со всех концов «поля» товарищей по оружию, Черкашенин совершил нападение на мощную турецкую крепость Азов. Казаки ворвались в город, разгромили посад Тапракалов и взяли в плен 20 «лучших» людей. В руки к ним попал шурина турецкого султана Сеина. Черкашенин дал знать азовскому паше, что освободит всех пленных, если паша вызволит у крымского хана его сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.